

Г. В. Драч

Личность в культурном интерьере: античная классика

Автор статьи обращается к классической проблеме особенностей и характера античной личности. Поставив вопрос о культурном интерьере античной личности, он рассматривает в качестве ее оснований телесность и пластику, обуславливающих порядок и соразмерность космоса. Телесность как определяющая характеристика античной личности предполагает обращение к настоящему, а не к прошлому, творчество, а не традицию. Поскольку античный человек – существо гражданское, на эти базовые ценности наслаиваются ценности победы в состязании и общественного признания. Речь далее в статье ведется об «агональной» личности. Основным выводом, к которому приходит автор, «агональное» становится формой социального обновления и «мотором» социальной стратификации. Глубокий теоретический характер античной культуры не противоречит, по мнению автора, ее направленности к завершенности и целостности.

Ключевые слова: культура, личность, интерьер, космос, пластика, история, полис, соревнование, агональность, социальность.

G. V. Drach

The Personality in a Cultural Interior: Antique Classics

The author refers to the classical problem of the peculiarities and nature of ancient identity. Putting the issue of cultural antique interior personality, the author considers as the bases physicality and plasticity, determines the order and harmony of the cosmos. Physicality as a defining characteristic of ancient personality involves an appeal to the present, not the past, creativity, and tradition. Because ancient people – being civil on these core values just multiply the value of winning the competition and public recognition. Discussed further in the article is about «agonal» personality. The main conclusion of the author, «agonal» becomes a form of social renewal and «engine» of social stratification. Deep teoriniu nature of ancient culture do not contradict, in the opinion of the author, its orientation to perfection and integrity.

Keywords: culture, identity, interior, space, plastic, history, policy, competition, agonal, sociality.

Личность принадлежит к числу тех понятий, которые трудно определяемы, но с завидным постоянством встраиваются в систему культуры. В любой культуре личность находится в точке пересечения индивидуального «Я» и коллективного «Мы». Прежде всего надо принимать во внимание то, что культура – «это мощный механизм антропологического воздействия, способ адаптации индивида к культурным потребностям общества и в то же время индивидуальной реализации накопленного этнического и национального опыта и самореализации личности [2, с. 470]. В этом случае и возникает вопрос о своеобразии культуры как пространства (интерьера), в котором личность не только осваивает социальную действительность, но и творчески преобразует ее, не только противостоит окружающему миру, но сливается с ним, не только усваивает культурные ценности, но и трансформирует их. Впрочем, рассматривая культурно-исторический аспект проблемы, И. С. Кон предпочитает говорить об открытии «Я» как «регулятивного начала психической жизни и мотивационного ядра личности» [5, с. 8]. И только в контексте рассмотрения поставленных вопросов появляется глава «Был ли древний грек личностью?» [5, с. 145]. Дело в том, что индивидуаль-

ное «Я» может рассматриваться не только как совокупность сознания, но и как самосознание. Процедура самосознания воздействует на формирование и развитие «Я», поскольку оставляет конечный выбор за индивидом. Соотношение «Я» и «Мы» через простое отождествление или же через рефлексивное соотношение – все это характеризует способ вхождения человека в культуру, положение личности в обществе и даже тип культуры. Часто в этом случае противопоставляются Восток и Запад [3].

С. С. Аверинцев убедительно показывает противостояние и встречу двух творческих принципов: греческой «литературы» и ближневосточной «словесности», литература, как форма творческого самосознания, противостоит экстатическому пророчеству. Хотя без последнего невозможно представить эллинскую культуру, конечно же греки «извлекли из жизненного потока явлений неподвижно самотождественную сущность» [1, с. 17]. И все же обратимся к той мощной исследовательской традиции, которая берет начало еще с Винкельмана и обоснована Шпенглером: понимать древнегреческий мир как телесный, чувственно-обозримый космос [8]. Это не только мировое тело, совокупность тел, это предел и внешнее огра-

ничество внутреннего пространства духовной жизни, без которого невозможно было бы самоосуществление античной культуры, самоограничение дионисийского начала. В античном интерьере человек воспринимает мир как истинное и завершённое бытие, подлинную действительность в ее реализованном жизненном порыве. Не случайно А. Ф. Лосев заявлял: «Я хочу рассмотреть античность как единый культурный тип», и в соответствии с этим заявлением обосновывал такое понимание античности, которое «должно видеть в ней в качестве основания интуицию человеческого тела как существенную характеристику бытия вообще» [6, с. 67]. При этом Лосев предостерегает от отождествления античности с застывшей мраморной холодностью статуи, «под ней кроется – пишет Лосев, ссылаясь на Ницше, – своя обжигающая мгла и экстаз, свое оргийно рождающееся лоно, свое безумие и преодоление тела» [6, с. 69].

Правда, античный человек как личность не мог представлять собой чего-то единого, неизменного для того огромного периода времени, каким была Античность. Конечно, слишком велика разница между человеком гомеровской, архаической или классической Греции. Но все же можно говорить о некоторых чертах, типичных для греческого этноса в целом, выделяя два типа человеческой культуры, характерной для Античности: «культуру стыда» и «культуру вины». В «культуре стыда» оценки даны извне, они имеют характер одобрения или порицания индивидов. В «культуре стыда» греки предпочитают не углубляться в собственные переживания, они боятся другого – почувствовать себя опозоренными в глазах соплеменников. В «культуре вины» срабатывают внутренние регуляторы – процедура самосознания, которая не зависит от внешнего мнения. Впрочем, как убедительно показывает Артур Адкинс на примере диалога Нестора с Диомедом, которого тот уговаривает покинуть поле боя, культура стыда и культура вины перемежаются уже в поведении гомеровских героев [9, р. 49].

Совершенно прав С. С. Аверинцев, отмечая настоящее в качестве основного приоритета для античной личности: «Высшая мудрость античного человека состоит в том, чтобы доверять не времени, а пространству, не будущему, а настоящему, и его олимпийцы не могут лучше обласкать своего любимца, как подарив ему сегодняшний день в обмен на завтрашний» [1, с. 37]. Но именно это обращение к настоящему (отсюда и вытекает предпочтение пространства перед временем), самосознание, авторский стиль («Я»-стиль) делают древнего грека личностью. Весь мир открыт для творческой личности, не связанной традициями.

Но эта открытость повторяет его родной город как его рациональная копия и идеальный слепок с действительности. Остальной мир должен признать свою зависимость или превратиться в рабов. В этом контексте А. Гоулднер говорит о «синдроме Александра Македонского»: «Что происходит с человеком, если он завоевал весь мир и нет других миров? [10, р. 95–96]. Ситуация репрезентирует агрессивную манеру состязательности, из исторического прошлого веет ужасом войн и порабощения, борьба и соревновательность переключались из походов и сражений в, казалось бы, тихую жизнь поселян и укоренились там в виде недоверия и зависти. Как потом опишет эту жизнь Гесиод, «сосед соревнует соседу». Но здесь же рождалась человечность, сострадательность как обратная сторона агонистики. Греки увидели и сумели понять, сколь дорога цена победы. Отсюда и проистекает посюсторонность греческих ценностей и идеалов. Ахилл согласен быть поденщиком в поле, вместо того, чтоб «над мертвыми царствовать мертвым», – это он говорит Одиссею, проникшему в Царство Аида. Но, еще будучи живым, он говорит юному сыну Приама, молящему о пощаде: «Многие лучше тебя здесь погибли». Пессимизм был платой за успех, за поиск победы, а нередко победа рассматривалась и как знак беды. И то, что каждый скрывал друг от друга и что гениально увидел великий Гомер, было состраданием к другим и к себе: оплакивая других и сострадая себе, только и можно было радоваться жизни оставшимся в живых.

Впрочем, А. Ф. Лосев по отношению к античности предпочитает говорить об «атрибутивной» личности [7, с. 44]. Рассматривая вопрос об античном абсолюте, он справедливо отмечает, что величие человека кроется в его причастности к абсолюту как некоторой самотождественности бытия. Лосев напоминает, что основные значения, как и наиболее краткий и ясный путь человека к Абсолюту, кроются в вере. Только в этом случае он причастен к вопросам о добре и зле в их последних основаниях, о вселенной и жизни на Земле как единственном условии продолжения жизни человечества. Но возникает такая потребность из стремлений человека к добру, истине и красоте, вложенных в него изначально, хотя и натягивающихся при их реализации на противоречия, свидетельствующие об ограниченности и беспомощности конечного человеческого разума.

Человек может занимать определенное место в жизни, играть определенную роль, поскольку всегда имеется в виду группа чувственно-осязаемых, исключительно публично проявляющихся ситуаций, предназначенных для других, а не только для

собственного «Я». Положение Аристотеля о том, что человек есть «зоон политикон», существо общественное, не противоречит соматическому пониманию античной пластики. Шпенглер допускает, что античный человек всегда играет «на публику», действуя на агоре или на форуме, где каждый отражается в другом, благодаря чему и приобретает подлинно реальное существование. *Полис* – это прежде всего обозримый предел, непосредственная наличность. «Родина для античного человека – это только то, что он может обозреть с высоты акрополя своего родного города» [8, с. 156]. В этом обозримом пространстве и протекает античное существование, где полис есть также наиболее маленькое из всех мыслимых государственных форм, а его политика – политика ближайших окрестностей. Таково ядро античного интерьера. Но остается ли в этой картине место личности, разуму, античной, а стало быть, и общеевропейской рациональности, жаркой политической борьбе в греческих полисах, агонистике – состязательности, неумному стремлению к победе, к спору, преодолению всего наличного, застывшего, косного, честолюбивому стремлению к авторству, победе и славе. А именно эти черты современный исследователь Ф. К. Кессиди относит к национальному типу характера античного грека, да и картина античной культуры будет без них существенно иной [4, с. 28–29].

Дело в том, и здесь можно поддержать А. Ф. Лосева, для античности особой символической нагрузкой и ее конститутивным основанием выступает отношение человека к природе, где природа является безличным абсолютom. Человек же не теряет своей изначальной связи с природой, но живет не только «по природе», но и «по установлению» (на основе разумного обоснования). Человеческий разум у греков освободился от власти богов, грек их уважает и не будет оскорблять, но в своей повседневной жизни он опирается на доводы разума, полагаясь на самого себя и зная, что не потому человек счастлив, что любим богами, а потому его любят боги, что он счастлив. Важнейшим открытием человеческого разума для греков выступает закон (*nomos*). Номос – это разумные установления, принятые всеми жителями города, его гражданами, и равнообязательные для всех, поэтому такой город есть также государство (город-государство), полис. В полисе закон приобретает характер рациональной правовой идеи, подлежащей обсуждению. Полисный характер греческой жизни, место, которое в ней занимали народное собрание, публичные ораторские состязания и т. д., объясняют доверие греков к разуму, теории, а поклонение безличному абсолюту (при-

роде) – постоянную близость и даже неразделимость физики (учения о природе) и метафизики (учения о первоосновах бытия). С этим связаны и определяющие свойства личности древнего грека: стремление к первенству, к победе любой ценой, что делает победителя «лучшим» среди других прежде всего в сфере воинской доблести.

Как «культура стыда», так и «культура вины» демонстрируют исключительную привязанность древнего грека к собственной личности, к личной славе и чести. Чуткость к чужому мнению, отмечаемая многими исследователями способность античного человека существовать для другого в пространстве публичной жизни, объясняется беспрестанным соперничеством, стремлением утвердиться в общественном мнении. Подлинный импульс к деятельности составляют агональный интерес и ревнивое внимание к успехам других [12]. Рациональные размышления, наблюдательность, экстраверсивная направленность в целом характеризуют античную культуру как культуру полисную и агональную. Одновременно открывается внутренний мир личности, подвергается мучительному осознанию спонтанная активность «Я», открываются бездны человеческих страстей и желаний. И все же успех, осуществленность, событийность и в этом смысле «соматичность» личности связываются с общественной сферой. Хотя греки и видели бездонные глубины личности, видели иррациональное, но отводили от него глаза. Экстраверсивная направленность античной культуры предполагает, что ее стремление к завершенности и целостности вполне сочетается с гражданской и личной активностью греков, что и выражается в их обращенности к сиюминутным, здесь и теперь, проблемам и интересам, которые греки тут же включают в космический порядок и в целостность, где находится место и их прошлому, деянием их богов и героев.

Итак, античный интерьер личности – это телесный, чувственно-обозримый космос, это не только мировое тело, совокупность тел, это предел и внешнее ограничение внутреннего пространства духовной жизни, без которого невозможно было бы самоосуществление античной личности, самоограничение дионисийского порыва. На первый план выступает рассмотрение мироздания в единстве природы, богов и человека [11]. Такого рода созерцательность служила обоснованием избираемой меры, положения человека в мире, путей достижения благочестия, справедливости и личного счастья, что характеризуется как *атараксия* и *эвтюмия*, т. е. состояние невозмутимости, самодостаточности и завершенности. Но это состояние для грека и было состоянием его

свободы, что выражается также греческим словом *автаркия*. Точечность бытия, замкнутость пространства личности и личной свободы охватывается пределами полиса. Но полис – это не только ограниченное географическое пространство, но и политическое, гражданское, поскольку каждый полноправный житель города (мужчина) является гражданином государства. А город и есть полис, т. е. город-государство. Напрашивается антропологическое прочтение античной культуры в контексте рационалистического развития античных полисов. Формирование античного полиса, где каждый гражданин считал обязательным для себя принимать личное участие в народном собрании и суде, с учетом складывающейся расстановки сил и обстоятельств, свидетельствовало об образовании такого рода рационалистического контекста античного интерьера.

В то же время тезис о рассудочности греков, равно как и об их приверженности к мере и канонам, нередко подвергается сомнению. Исследователи ссылаются на распространенность элевсинских и дионисийских мистерий, на трагичность самовосприятия у греков, на превращение личности в священный объект и на непознанность «Я». Обращает на себя внимание «эффект миниатюризации», наблюдаемый в греческом полисе, в отличие от монументальных восточных деспотий с их громоздкими структурами управления, учета и сложной системой письменности. У греков структуры управления (совет, суд, народное собрание) приспособлены к возможностям одного человека, но и человек уже в гомеровскую эпоху становится личностью: овладевает способностью выбора и сознательного отношения к норме социального контроля. В полисе же этот «поумневший» грек овладевает правом, письменностью (впрочем, как и искусством и философией) для совершенствования общественной жизни, «способности жить сообща».

Система соревнования (агонистика) и порождает основные культурные образцы полисный жизни: рационализм, прагматизм, «ничего сверх меры», дружбу, но и зависть, измену и пессимизм. А. Гоулднер рассматривает эти темы (образцы) античной культуры как основные измерения агонистики [10, р. 41–77]. Конечно, путь, который прошли греки к городской индивидуализации и личной автономии, пролегает от архаики к классике и предполагает соперничество, взаимное состязание родовой аристократии за право быть «лучшими». Аристократы преследуют собственные интересы, они защищают не родовые ценности, а свои собственные. Накапливаются противоречия не только между богатыми и бедными, но и

между знатными по рождению и лучшими по достоинству (для этого надо было быть первым на войне). Создается угроза централизованной власти царя, которую мог оспорить такой герой, как Ахилл. Распадается прежний коллективный быт, коллективистские установки, родовые связи. Распад идет с двух сторон: общества и личности. Распад государственных родовых связей приводит к «войне всех против всех». Такие условия порождают рационализм и индивидуализм, который обостряется при ограниченном количестве призов и связанных с ними социальных преимуществ. Соревнование происходит в манере «победить или потерять», выигрыш победа всегда происходит как перераспределение наличного. С этим связано и распространение агональных практик творческой в иные сферы состязания – искусства, литературы, философии и науки.

Для агонистики характерны культурные механизмы общественного признания при низкой объектной привязанности. Достижение личного успеха, как главная ценность, формирует доминирующие типы поведения античной личности. Агонистика предполагает достижение победы любой ценой, что нередко сопряжено с опасностью для жизни. В то же время агонистика позволяет рассматривать победу не как личное, а как общественное достояние. Результаты агонистики социализируются и выступают «строительным материалом» новой цивилизации. Слава становится тем механизмом, который переносит индивидуальные достижения в плоскость общественного признания, общественного достояния и устанавливает корреляционные связи между ними и социальным развитием. Агонистика в античной и европейской культуре превращается в механизм социального обновления. Агонистическая модель личности, включая и такие ее черты, как авантюризм, индивидуализм и эгоцентризм, оказалась востребованной в моменты исторических подвижек в культурном развитии Европы и всего Запада.

Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» [Текст] / С. С. Аверинцев // Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 13–75.
2. Драч, Г. В. Культура [Текст] / Г. В. Драч // Глобалистика. Энциклопедия. Ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.: Радуга, 2003. – С. 468–471.
3. Жюльен, Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции [Текст] / Франсуа Жюльен; перевод с фр. В. Г. Лысенко; ред. И. Н. Трубникова. – СПб.: Евразия, 2001. – 344 с.

4. Кессиди, Ф. Х. Об одной особенности менталитета древних греков [Текст] / Ф. Х. Кессиди // К истокам греческой мысли. – СПб.: Алетея, 2001. – С. 20–31.

5. Кон, И. С. Открытие «Я» [Текст] / И. С. Кон. – М.: Политиздат, 1978. – 367 с.

6. Лосев, А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии [Текст] / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993 – 831 с.

7. Лосев, А. Ф. Античная философия и общественно-исторические формации [Текст] / А. Ф. Лосев // Античность как тип культуры / А. Ф. Лосев, М. А. Чистякова, Т. Ю. Бородай и др. – М.: Наука, 1988. – С. 6–77.

8. Шпенглер, О. Закат Европы [Текст] / Освальд Шпенглер; вступ. статья и комм-и Г. В. Драча при участии Т. В. Веселой и В. Е. Котляровой. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 637 с.

9. Adkins, W. H. (1960). Merit and Responsibility; a study in Greek values. – Oxford, Clarendon press; New York, Oxford University Press.

10. Gouldner, A. W. (1965). Enter Plato: Classical Greece and the Origins of Social Theory. – New York, Oxford University Press.

11. Schadewaldt, W. (1960). Das Welt-Modelles der Griechen. – Zürich – Stuttgart, Hellas und Hesperien.

12. Strycker, E. (1974). Einige Betrachtungen über die griechische Philosophie in ihrem Verhältnis zur antiken Kultur und zum modernen Denken. Antike und Abendland. Bd. XX, Heft 1, 1–13.

Bibliograficheskij spisok

1. Averincev, S. S. Grecheskaja «literatura» i blizhnjevoistochnaja «slovesnost'» [Текст] / S. S. Averincev // Ritorika i istoki evropejskoj li-teraturnoj tradicii. – М.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. – S. 13–75.

2. Drach, G. V. Kul'tura [Текст] / G. V. Drach // Globalistika. Jenciklopedija. Red. I. I. Mazur, A. N. Chumakov. – М.: Raduga, 2003. – S. 468–471.

3. Zhjul'en, F. Put' k celi: v obhod ili naprjamik. Strategija smysla v Kitae i Grecii. [Текст] / Frans-ua Zhjul'en; perevod s fr. V. G. Lysenko; red. I. N. Trubnikova. – SPb.: Evrazija, 2001. – 344 s.

4. Kessidi, F. H. Ob odnoj osobennosti mentali-teta drevnih grekov [Текст] / F. H. Kessidi // K isto-kam grecheskoj mysli. – SPb.: Aleteja, 2001. – S. 20–31.

5. Kon, I. S. Otkrytie «Ja» [Текст] / I. S. Kon. – М.: Politizdat, 1978. – 367 s.

6. Losev, A. F. Oчерки античного символизма i мифологии [Текст] / A. F. Losev – М.: Mysl'. 1993 – 831 s.

7. Losev, A. F. Antichnaja filosofija i obshhestven-no-istoricheskie formacii [Текст] / A. F. Losev // Antichnost' kak tip kul'tury / A. F. Losev, M. A. Chistjakova, T. Ju. Borodaj i dr. – М.: Nauka, 1988. – S. 6–77.

8. Shpengler, O. Zakat Evropy [Текст] / Osval'd Shpengler. Vstup. stat'ja i komm-ii G. V. Dracha pri uchastii

T. V. Veseloy i V. E. Kotljarovoj. – Rostov N/D.: Feniks. 1998. – 637 s.

9. Adkins, W. H. (1960). Merit and Responsibility; a study in Greek values. – Oxford, Clarendon press; New York, Oxford University Press.

10. Gouldner, A. W. (1965). Enter Plato: Classical Greece and the Origins of Social Theory. – New York, Oxford University Press.

11. Schadewaldt, W. (1960). Das Welt-Modelles der Griechen. – Zürich – Stuttgart, Hellas und Hesperien.

12. Strycker, E. (1974). Einige Betrachtungen über die griechische Philosophie in ihrem Verhältnis zur antiken Kultur und zum modernen Denken. Antike und Abendland. Bd. XX, Heft 1, 1–13.

Reference List

1. Averintsev S. S. Greek «literature» and Middle Eastern «literature» // Rhetorician and sources of the European literary tradition. – М.: School «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1996. – Page 13–75.

2. Drach G. V. Culture // Global studies. Encyclopedia. Editorship of I. I. Mazur, A. N. Chumakov. – М.: Raduga, 2003. – Page 468–471.

3. Julien F. Way to the purpose: around or straight. The strategy of sense in China and Greece. / François Julien; translated from French by V. G. Lysenko; editor I. N. Trubnikov. – SPb.: Evrasia, 2001. – 344 pages.

4. Kessidi F. Kh. About one feature of ancient Greeks' mentality // To sources of the Greek thought. – SPb.: Aleteya, 2001. – page 20–31.

5. Kon I. S. Discovery «Self». – М.: Politizdat, 1978. – 367 pages.

6. Losev A. F. Essays of antique symbolism and mythologies – М.: Mysl. 1993–831 pages.

7. Losev A. F. Ancient philosophy and socio-historical formations // Antiquity as a culture type / A. F. Losev, M. A. Chistyakova, T. Yu. Borodai, etc. – М.: Nauka, 1988. – Page 6–77.

8. Spengler O. Sunset of Europe. Foreword article and comments by G. V. Drach featured by T. V. Veselaya and V. E. Kotlyarova – Rostov-on-Don: Fenix. 1998. – 637 pages.

9. Adkins W. H. (1960). Merit and Responsibility; a study in Greek values. – Oxford, Clarendon press; New York, Oxford University Press.

10. Gouldner A. W. (1965). Enter Plato: Classical Greece and the Origins of Social Theory. – New York, Oxford University Press.

11. Schadewaldt W. (1960). Das Welt-Modelles der Griechen. – Zürich – Stuttgart, Hellas und Hesperien.

12. Strycker E. (1974). Einige Betrachtungen über die griechische Philosophie in ihrem Verhältnis zur antiken Kultur und zum modernen Denken. Antike und Abendland. Bd. XX, Heft 1, 1–13.